

ШАМАНСКИЙ НИМКАН В ЭВЕНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

*Работа представлена Институтом гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Научный руководитель – доктор искусствоведения Ю. И. Шейкин*

В статье на примере одного из сюжетов рассматривается шаманский нимкан. Нимканы типологически сходные по идейно-тематическому содержанию, образам, композиционному строению, структуре устойчиво бытуют в эвенском фольклоре.

Ключевые слова: шаманский нимкан, эвенский фольклор.

V. Petrova

SHAMAN NIMKAN IN EVEN FOLKLORE

The article is devoted to shaman nimkan, a traditional genre in Even narrative folklore. Nimkans, which are similar in thematic content, characters, composition and structure, are rather widespread in Even folklore.

Key words: shaman nimkan, Even folklore.

В повествовательном фольклоре эвенов встречаются сюжеты, где центральное место занимает шаманская тематика в виде образов, обрядов, атрибутов. Подобные сюжеты можно найти во многих текстах у народов, сохранивших шаманизм как норму обрядовой жизни. По-настоящему шаманскими их можно считать в том случае, если тема шаманства занимает в повествовании центральное место. В исследовании Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса» подобные фольклорные тексты отнесены к сказкам [2, с. 24]. Сказочный сюжет, в котором шаманская тема занимает центральное место, – распространенное явление в пове-

ствовательном фольклоре народов Севера. В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева выделили в фольклорном материале орочей шаманские мифы, в которых отражены ритуальные и религиозные основы их мышления [1, с. 25]. Продолжая наблюдения исследователей фольклора народов Севера, обратимся к изучению шаманской темы в фольклоре эвенов. Прежде всего необходимо отметить, что генетически родственные тунгусо-маньчжурские народы имеют много общего не только в мировоззрении, но и в культуре. В этой связи важно вспомнить, что эвены Магаданской области в своем самоназвании имеют этноним орочи [3,

с. 141]. При этом шаманская тематика у них носит далеко не одножанровый характер, как у орочей юга Дальнего Востока и у орочей севера Дальнего Востока – собственно эвенков, и проявляется также в виде легенд, преданий и рассказов.

По мнению В. Я. Проппа, основным признаком фольклорного жанра является побудительный мотив повествования [6, с. 23], а шаманских текстов – обучение нормам шаманского поведения. Данные тексты помогают понять обрядовое поведение шаманов и причины изменений в судьбах людей, которые столкнулись с ними в конкретных ситуациях.

Рассматриваемый ниже фольклорный текст «Кукушка» [5] записан нами во время экспедиционной поездки в 1992 г. от Д. А. Орловой, пос. Тополиное, Томпонского улуса, Республики Саха (Якутия). Сюжет «Кукушка» относится к *нимкану* – этническому жанру, который имеет несколько фольклористических жанровых определений: архаический эпос, миф и сказка. Шаманская тематика в каждой из ипостасей *нимкан* проявляет себя по-разному, но во всех случаях исследователи отмечают реликтовую архаику жанра. В шаманских *нимканах* уже заметны некоторые сюжетные мотивы указывающие на формирование волшебных повествований. Увидеть эти зачаточные элементы волшебной сказки позволяет сегментный анализ текста.

Начальные сегменты текста больше напоминают фольклорный рассказ, в котором исполнительница объясняет, от кого она услышала этот *нимкан*. Данный сегмент находится еще как бы вне сюжета. Нужно отметить, что подобная преамбула редко приводится в публикациях, но на самом деле она всегда произносится исполнителем и, как видно, играет важный смысл в повествовании. Так как все сегменты *нимкана* нами пронумерованы, то этот сегмент мы обозначим индексом 0.

0. Исполнитель указывает источник своих знаний и условное время их восприятия.

Младшая сестра моей мамы, Елена Иннокентьевна Семенова, была удаганкой. Когда я была маленькой, она рассказала один нимкан, который я хорошо запомнила.

Первый сегмент представляет собой традиционную часть повествования, где и характеризуются время действия и участники фольклорных событий.

Однажды, давным-давно, жили в соседстве две семьи.

Во втором сегменте происходит завязка сюжета и описывается благополучная жизнь первых героев.

Одни соседи были очень богатыми. У них было много оленей. Их одежда была теплой, через покрытие юрты не протекала вода.

В третьем сегменте говорится об имущественном неравенстве соседей.

Другие соседи были очень бедными, без оленей, покрытие их юрты было дырявым.

В четвертом сегменте рассказывается о духовном неравенстве соседей. Шаман в традиционной культуре эвенков – это избранник богов и духов. Он старается ничем не выделяться и ведет скромный образ жизни.

Бедный сосед был очень сильным лечащим шаманом, одним словом он шаманил. Он следил за стадом богатого человека и зимой и летом. Богач и жена его совсем не работали.

Пятый сегмент – завязка сюжета – начинается развитие изначальной ситуации – заболевает жена шамана.

Однажды жена шамана сильно заболела. Ничего не могла есть.

В шестом сегменте заболевшая жена просит мужа, принести еду.

Через несколько дней, чувствуя свою смерть, она сказала мужу:

– Муж, я хочу кушать, хорошо было бы суп поест. Может, соседи нам дадут. Сходи и попроси.

В седьмом сегменте шаман идет выполнять поручение больной жены. Далее в доме соседа происходит удивительное действие, характерное для шамана: он не переступает порога соседей.

Бедняк-шаман пошел к соседям и, не входя в юрту, сказал:

– Родичи, жена моя умирает, ей хочется суп поест. Не могли бы вы нам дать чуть-чуть.

В восьмом сегменте шаман получает отказ от жены богатого соседа. Она отказывается выручить соседку. Особенность диалога состоит в том, что отвечает не хозяин, а хозяйка, ибо она – хранительница огня и благополучия в доме. Богатый мужчина – хозяин оленей, молча соглашается с ее вердиктом.

Жена богача, услышав это, сказала:

– Пусть, я ничего не дам. Сами голодные сидим.

В девятом сегменте шаман возвращается без необходимого дара. Кстати, без этого дара шаман не имеет права начать камлание. Отсутствие волшебного дара отличает данный шаманский сюжет от волшебных сказок, в которых дар является важным толчком к развитию сюжета. В данном тексте получается, что для «бедняка» даже не важен ответ соседей, владеющих оленями. Он всего лишь как бы просто предупредил их о необходимости жертвы.

Слышал это шаман или нет, но он вернулся в юрту.

В десятом сегменте шаман обнаруживает смерть жены – переход ее в иной мир.

Зайдя в юрту, он увидел, что жена его умерла.

В одиннадцатом сегменте шаман меняет место обитания. После смерти жены он оставляет на старом месте наземное захоронение и перекочевывает в другое место.

Похоронив жену, бедняк собрал свои пожитки и ушел в другие места, ушел от богатых соседей.

В двенадцатом сегменте описывается как шаман, откочевав в другое место, становится промысловиком.

Шаман стал охотиться на диких оленей при помощи самострела, сплел себе сети и ловил рыбу.

В тринадцатом сегменте шаман-охотник переходит в другой мир, где он как бы воссоединяется с женой. Восстанавливается закон парности героев. Последние три сюжетных сегмента, связанные со смертью жены, сменой образа жизни и последующей смертью шамана, аналогичны мотиву инициации и приобретения волшебной силы героем волшебной сказки. В данном тексте это поведе-

ние бытовизировано и содержит признаки рассказа.

Так прошло много лет, шаман состарился и умер.

В четырнадцатом сегменте сюжет нимкан приобретает мультисюжетную линию. Повествование как бы «отвлекается» от основного героя. Переход на другое место жительства шамана и смерть его жены повлекли изменения в положении богатых владельцев оленей – они становятся простыми оленеводами-пастухами. Более того, появляется мотив их семейного неблагополучия – отсутствие детей и неумение охотиться.

А богачи сами пасли оленей, они не умели охотиться на диких оленей и ловить рыбу и поэтому убивали своих оленей. И так они состарились одни, без детей.

В пятнадцатом сегменте наступает начало второй половины сюжета, в которой собственно и реализуются признаки шаманской сказки – появляются элементы шаманской тематики. Мужчина-оленовод уходит из дома. Опять нарушение закона парности, в результате чего приходит беда.

Один раз, когда богач уехал пасти оленей, жена его осталась дома, чтобы собрать хворост и дрова для дома.

В шестнадцатом сегменте появляется кукушка. В тунгусо-маньчжурской мифологии она выполняет функцию птицы-вестника, а также кукушка является помощником-духом шамана.

Вдруг! На верхнюю жердь юрты села кукушка, она непрерывно куковала целый день: «кукук-кокко-ку-куч».

В семнадцатом сегменте происходит встреча женщины с кукушкой, которая как бы хочет ей что-то сообщить, но женщина не понимает кукушку. Создается ситуация ожидания беды. Затем женщина совершает предосудительный поступок: она грубо обходится с шаманской птицей-вестником.

Когда женщине надоело, она бросила палкой в кукушку, кукушка улетела. Когда вернулся муж, женщина все ему рассказала:

– Странное я видела, целый день на верхней жерди кукушка куковала – к плохому это.

В восемнадцатом сегменте и муж тоже не догадывается, что это не простая птица.

Муж ответил:

– Кукушка, наверно, глупая.

В девятнадцатом сегменте – повторное появление кукушки-вестницы и непонимание ее голоса женщиной-хозяйкой.

На следующий день женщина опять осталась дома. И кукушка, прилетев, опять стала куковать. Женщина стала бросать в нее камнями и палками. И кукушка улетела.

В двадцатом сегменте наступает третье появление кукушки-вестницы и непонимание ее обоими – мужем и женой.

На третий день, когда они были вдвоем, кукушка прилетела и села на то же самое место. И опять стала куковать. Богач взял самострел и хотел убить кукушку.

В двадцать первом сегменте происходит волшебное превращение кукушки в образ шамана-соседа. По традиции эвенского *нимкана* эпизоды, подобные 16–21-му, могли сопровождаться пением. Как, например, в *нимкан* «Кедровка», где птица сидела на одной из жердей юрты и через дымовое отверстие вела песенный диалог с женой охотника с запевным словом «эръико, миръико, гэръерико» [4, с. 51–52]. В данном разделе текста *нимкана* – Кукушка – прямая речь персонажей сопровождается без песенного оформления. Только в 16-м сегменте используется звукоподражание голосу кукушки «кэкэк-кокко-ку-куч».

Кукушка влетела в дом и превратилась в шамана. Когда богачи зашли в дом и увидели своего бывшего соседа, то от испуга задрожали.

В двадцать втором сегменте появившийся шаман-сосед требует от соседа-оленевода принести жертвоприношение ему и его духу в виде «жирного оленя». При этом устанавливает срок – сутки.

Бедняк-шаман сказал:

– Я прилетел, и вы мне сделайте хорошее, убейте для меня жирного оленя. Завтра я в это же время приду.

Сказав это, он улетел.

В двадцать третьем сегменте богачи принимают роковое решение. Хотя в сюжете поясняется, что они «не спали всю ночь». Их решение оказалось третьим проступком перед шаманом.

Богачи в раздумье не спали всю ночь. Наконец жена сказала:

– Этот черт от нас не отстанет, и поэтому задуши завтра своего старого оленя. Ему и такой олень подойдет.

В двадцать четвертом сегменте описывается подготовка к большому шаманскому обряду, цель которого – наделение богатством. Кукушка, сидящая на дереве, – обязательный атрибут такого обряда, и вместо деревянной скульптуры здесь на жерди дома сидел сам шаман в образе кукушки.

Наутро кукушка села на верхнюю жердь дома. Она стала вертеть головой в разные стороны и закуковала. Богач поймал самого старого оленя и привязал его к кусту.

В двадцать пятом сегменте происходит осуществление магического действия в форме шаманского проклятия. Шаман указывает на ошибки богатых оленеводов, советуя им, как нужно было бы им поступить с духовным лидером. А за «правильное поведение» он произносит и «благое пожелание». По этой причине богатые оленеводы должны сами понять, что он им пожелал. Но...

Когда богач вошел в дом, кукушка влетела вслед за ним и превратилась в шамана. Потом шаман сказал:

– Соседи, вы в меня палкой, камнями не кидали, самострелом не прицеливались. Самого жирного оленя для меня поймали и поэтому я вам желаю богатства, хорошую жизнь, чтобы вы нищете не знали.

В двадцать шестом сегменте наступает наказание богатых оленеводов – мужа и жены, за неуважение и несоблюдение обычного права эвенов.

Так сказав, он превратился в кукушку и улетел. После этого эти богачи всех своих оленей потеряли, даже ни один олень не остался. Они стали ходить пешком. Обеднели и умерли.

В двадцать седьмом сегменте исполнитель произносит назидательное заключение и объясняет мифологическое значение кукушки, являющейся вместилищем души шамана.

Поэтому говорят: «Нельзя гоняться за кукушкой и убивать ее. Кукушка – это душа человека. Нельзя между собой ссориться, и надо жить в мире и согласии».

Таким образом, отличительная особенность жанровой традиции *нимкан* состоит в синкретизме архаического эпоса, мифа и сказки, песенных монологов, исполняемых персонажами *нимкана*, а также в наличии звукоподражательных слов. В данном тексте используется звукоподражание голосу кукушки, хотя некоторые эпизоды, следуя традиции эвенского *нимкана*, могли сопровож-

даться пением. Текст содержит признаки *нимкана*, а наличие шаманской тематики позволяет предположить о наличии у эвенов шаманских *нимканов*, отличительная черта которых – сюжетные элементы, развивающиеся по правилам шаманской мифологии. Недостаточная изученность шаманских *нимканов* позволяет говорить о необходимости проведения специальных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аврорин В. А., Лебедева Е. П.* Орочские сказки и мифы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1966. 235 с.
2. *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М.: Изд-во восточная литература, 1963. 464 с.
3. *Новикова К. А.* Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч.: Глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Л.: Наука, 1980. 243 с.
4. *Новикова К. А.* Эвенский фольклор. Магадан, 1958. 118 с.
5. *Петрова В. А.* Полевые материалы (1992 г.).
6. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность // Избр. ст. 1-е изд. М.: Наука, 1976. 325 с.

REFERENCES

1. *Avrorin V. A., Lebedeva E. P.* Orochskije skazki i mify. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-iye, 1966. 235 s.
2. *Meletinsky E. M.* Proiskhozhdeniye geroicheskogo eposa. M.: Izd-vo vostochnaya literatura, 1963. 464 s.
3. *Novikova K. A.* Ocherki dialektov evenskogo yazyka: Ol'skiy govor. Ch.: Glagol, sluzhebnye slova, teksty, glossariy. L.: Nauka, 1980. 243 s.
4. *Novikova K. A.* Evenskiy fol'klor. Magadan, 1958. 118 s.
5. *Petrova V. A.* Polevye materialy (1992 g.).
6. *Propp V. Ya.* Fol'klor i deystvitel'nost' // Izbr. st. 1-e izd. M.: Nauka, 1976. 325 s.